

Леонид Лешуков

НУ ЧТО, ПЕТЬКА, ГРОЗА БУДЕТ?

Сборник рассказов

12+

г. Никольск

2021 г.

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)6-~~64~~

Л53

Лешуков Л. П.

Ну что, Петька, гроза будет?: сборник рассказов /Леонид Лешуков. –
Никольск: ЦРБ, 2021. - ... с.: ил. – 12+.

Никольский автор известный читателям своими поэтическими произведениями, по-новому открывается в жанре малой прозы. Пишет о деревне, о её жителях, о том, что пережил сам.

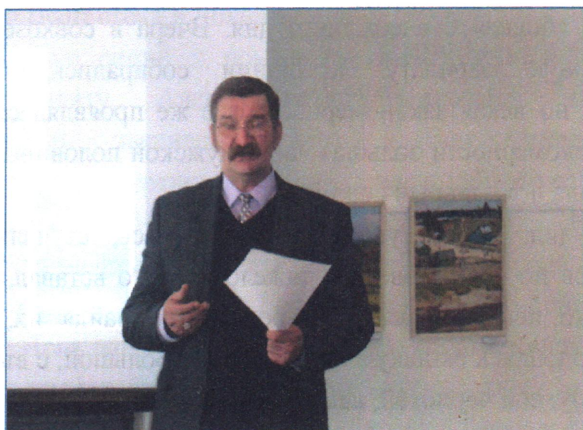
Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Лешуков Л. П., 2018

Оформление. Детский отдел

ЦРБ им. Г. Н. Потанина

2021

От автора

Уважаемый читатель!

Люди, о которых рассказываю, мною не выдуманы. Они жили в моей деревне, в соседних деревнях, в соседних сёлах. Многих я знал лично, о других пишу на основании воспоминаний земляков и моей мамы, Лешуковой Надежды Ивановны, на основании документов. В повествование внесён художественный вымысел некоторых элементов сюжетной линии событий.

Думаю, что каждый читатель найдёт для себя и что-то новое, родное и близкое ему по душе...

Копейка

Лёха «болел» с вчерашнего дня. Вчера в совхозе выдали долгожданную зарплату. Компании собирались, как бы, стихийно, но некая закономерность все же проявлялась. После такой закономерности большая часть мужской половины совхоза приобретала похмельный синдром.

Разбудил Лёху стук в окно. Казалось, стучали шесть молоточков по его голове. Он тяжело и долго вставал, долго и мучительно искал брюки. Расстроился, не найдя их, махнул рукой и подошел к окошку в одних трусах. Большой, с ввевшейся в кожу мазутной чернотой, ладонью толкнул он хрупкую створку окна.

Свежий апрельский ветер пытался пробиться в открытое окно прокуренной избы, заслоненное крупной фигурой не выпавшегося хозяина. Изба эта перешла к Лёшке по наследству от деда Ивана. Отписал дед избу внуку, и весь немудреный скарб и тощую сберкнижку перед самой своей кончиной. Служил Лёшка тогда срочную службу в городе Кирове.

Дед Иван умер в самые Октябрьские праздники. Не приехал Лёха, не отпустили в части.

Лидка-пэтэушница, с округлившимся под сарафаном животиком, зарабатывала себе «декретные», разнося по ближайшим деревням почту. Она принесла Алексею заказное письмо. И поэтому долго стучала в его окно. Увидев его полуголого и взъерошенного, ойкнула неожиданно, и едва не поскользнулась на мокрой завалине. Зарумянившись, подала Лёшке - Лёхе казённый конверт. «Заказное письмо Вам, Алексей Петрович, примите и распишитесь, - заученно пропела рыжеволосая Лидка.

Лёха безучастно черкнул синей шариковой ручкой где-то на листке, который положила Лида на подоконник, сжал в жесткой горсти конверт и захлопнул окно перед конопатым, смешным носиком Лидки.

На дороге и в полях кричали черные грачи. Такой же грачиный гвалт стоял в Лёхиных ушах.

Поставив синий в ромашках эмалированный чайник на газовую плиту, Алексей открыл конверт. «Налоговое уведомление» - закружились губы - «...Вам следует оплатить пени по транспортному налогу, на принадлежащий Вам автомобиль Ваз-2101, 0,01 рубля за 1996 год. Вы можете произвести оплату в отделении Сбербанка города...» Буквы письма убежали куда-то. Голова гудела: «Копейка? Какая копейка? Ноль одна сотая рубля?» Свою «копейку» ещё два года назад он продал свояку после того, как на неё наехал своим трактором Егор-бульдозер, возвращавшийся февральской ночью с тещиною юбилея.

Краем глаза Лешка увидел, что Лидка возвращается мимо его дома. Снова толкнул раму и, глотая слова, окликнул почтальонку: «Лидка, слушай, ты завтра поедешь в город? Лидка, заплати это, заплати в сберкассе. Заплати одну копейку по этому счету». Он протянул Лидке налоговое извещение и, не слушая возражений, ушел вглубь избы на свою койку. Встал, выпил остывший чай, успокоился.

Через десять минут спал, забыв о письме и о Лидке-письмоноске.

Налоговая инспекция напомнила ему о себе через пять лет. Леха остепенился, женился на той самой, огненно-рыжей Лидке, которая родила парня и успела влюбиться в громадину Лёху и привязала его к себе, родив ему ещё и дочь. Мать Алексея была несказанно рада, что сын основательно стал на ноги. Порадовалась за детей и под святки тихо отошла к Богу.

Летним днем Алексей, убрав остатки навоза у хлева, присел покурить на недавно отремонтированное крыльцо. Покашливая, к нему подсел ветеран-сосед Василий Николаевич. Закурили. Василий Николаевич заговорил: «Лешка, я в город ездил сегодня, в налоговую из-за льгот заходил. Письмо тебе принес. Там

расписался, поверили. Возьми». Ветеран, покашливая глухо, ушел.

Лёха надорвал конверт, прочел: «Налоговое уведомление». И поплыла строка: «...следует получить с Вас пени на транспортный налог...», Буквы метались: «...0,01 рубля, ...копейка, ...за 1996 год, ...Ваз 2101, ...Вам следует...» Лист выпал их рук. «Охрендели!» - вырвалось у Лёхи - «Копейка!»

«Лида, Лидка! Ли-и-ид-ка-а! Копейка-а-а-а!», - как при пожаре орал он - «Лида!»

...И вековой дом потряс громовой семизэтажный мат, никогда не ругавшегося прежде, Алексея.

Шестеро

*Солдатам Победы над фашисткой Германией
в Великой Отечественной войне посвящаю.*

Шестьдесят один уроженец деревни Шалашнево Вологодской области ушли воевать за нашу Родину в Великой войне. Сорок три жителя деревни погибли в боях, сорока трех, из миллионов погибших, не дождалась Родина. Вечная боль, вечная память.

Сохраним, ли, мы – потомки павших за Родину, эту память?

Память! Большой крестьянский дом – пятистенок был наполнен криками и плачем, казалось, до самого конька крыши.

Мать уже не ревела, не плакала. Стон шел из надкусанных губ. Провожала младшего, самого ласкового, самого выстрадавшего сыночка.

Пять сыновей ушло от матери на войну. Пятерых целовала, пятерых крестила в дорогу, пятерым желала вернуться, за пятерых билась в слезах у порога. На троих сыновей ей приносили похоронки. Три раза отпаивали соседки-товарки, обморочную от горя, мать. От двоих сыновей нет вестей. Живы ли? Шестого, младшего забирают.

Господи, хоть его верни матери! Как ей жить! Рослое, сильное, семейное дерево подрубила страшная война под самый корень, но сломить не смогла. Один из сыновей остался жив. Пятерых сыновей убили у матери.

И младшенького, любимого убили. Отняла война.

Из семьи Кокшаровых Антона Давыдовича и Анны Александровны на фронты Великой Отечественной войны ушли шестеро сыновей: Иван, Яков, Василий, Семен, Прокопий, Александр.

В живых остался Василий, третий сын Кокшаровых. Большую жизнь прожил Василий Антонович Кокшаров, артиллерист, ветеран Великой Отечественной войны, Почетный колхозник колхоза «Заря Востока», неутомимый труженик, добрейшей души человек. Один из шестидесяти одного

односельчанина, оторванного от деревни войной. Шестьдесят один гражданин из маленькой вологодской деревни Шалашнево останется в нашей памяти, ради памяти, ради мира.

Вечная память павшим за Родину, вечная слава Героям!

Руфко

В надвигающихся на деревню сумерках в незавидной избушке у топившейся печки-лежанки сидели двое: сутулый старик и черноволосая с небольшими казалось, неуместными прядями седины, ещё моложавая женщина, неторопливо помешивая клюкою в печке малиновый жар. Старик ковырял коточигом разношенный сапог.

Руфко и Руфиха. И как звали их иначе, особо никто из однодеревенцев и не задумывался? Руфко да Руфко, Руфиха, значит, Руфиха! И лишь когда для младшей сестрёнки потребовалась няня, мама утвердительно заявила: «Надо звать Олю Руфиху!» Так я узнал, что у бабки Руфихи есть имя Оля - круглое, легкое, как облачко одуванчика.

Руфко привез её из госпиталя, где долечивался после тяжелого ранения, полученного в бою за Бессарабию. Война сделала его инвалидом: левая нога была изуродована осколками мины. Руфко комиссовали «вчистую», и он вернулся в родную деревню с молодой женой на радость матери, на зависть и горечь молодым вдовам.

Олю-Олесю в деревне быстро полюбили за кротость нрава, за покладистый характер, за доброе сердце и работающие руки. Имя Олеся переделали на вологодский лад в Олю, а со временем и это имя сменилось на деревенское прозвище «Руфиха». Руфиха умерла от рака (сказала последнее слово проклятая война).

Остался Руфко один - одишешенек.

Перед его маленькой избушкой с весны до зимы стояла огромная лужа: все высохнут, а у него блестит зелёная. Сбежав от навязанных мамами домашних дел, мы пускали в луже кораблики из сухой осиновой дранки и мнили себя Магелланами на каравеллах. Руфко грел на солнышке раненую ногу, не мешал нам, может, тосковал: своих-то детей не народил. По хозяйству (а оно у фронтовика не велико было) помогала троюродная сестра, жившая в конце деревни. Продукты, кое-какие хозяйственные

мелочи привозил сосед Мишка-тракторист. Он же обеспечивал дровами.

К 9 мая в честь тридцатилетия Великой Победы школьники принесли всем ветеранам приглашения на торжество, которое будет проходить в колхозном Доме культуры на центральной усадьбе. Бригадир, выдавший нам извещения, особо наказал, чтобы мы сообщили каждому: будет колхозный автобус, велено всем собраться пораньше у бригадира в избе. В просторном пятистенке Василия Ивановича чуть свет начали собираться фронтовики, провожающие их бабы, молодежь. Приехал колхозный автобус, не было только Руфка. Мужики нервничали, а кто-то уже принял ради праздника свои законные сто грамм и хорохорился на лавке. Бригадир уже хотел посылать мальчишек за Руфком, как вдруг, распахнулась в избу дверь.

Стукнув о порог клюшкой, прихрамывая, вошел Руфко. Все удивленно примолкли.

На груди фронтовика в три ряда сверкали, оттягивая на плечах почти новую гимнастерку, ордена и медали. «Полный кавалер!» - восхищенно воскликнул кто-то из молодых. Мужики повставали с лавок. «Руф Иванович Баев, гвардии старший лейтенант 121 гвардейского стрелкового полка прибыл! Здравия желаю!»

Вот вам и Руфко!

К 70-летию Великой Победы

Из-за дождя неслышно подошли сумерки. И, нудно моросивший, дождь прервал свою музыку. Заперемигивались на угоре огоньки деревни Шалашнево. Ширококостный мерин Карько заперебирал веселее ногами, почувствовав скорый отдых.

Павел Петрович откинул намокший брезент на край телеги, поднялся с душистого сена и пересел на доску-скамейку, лежавшую поперек одра. Поглядев на приближающиеся огни родной деревни, он поправил поклажу, достал распечатанный полумерок с вином, отпил пару глотков не жадно, как-то отрешенно, будто нехотя. Тихо посидел чуток, закурил свой «Север», протяжно вздохнул. Перевернул доску сухой стороной, снова уселся поудобнее, беззлобно и устало хлопнул мокрой вожжей по коричневому крупу мерина. Карько удивленно повернул голову и, не меняя шага, потащил телегу в угор к дому. День доживал.

А еще затемно, накосив в поле отавы, погрузив в телегу мешки с отборным золотистым луком, Павел Петрович уехал в райцентр в заготконтору.

День шел, и всё шло своим чередом: он прибыл в город до дождя, сдал лук за хорошую цену, купил то, что велела супружница Катерина Дмитриевна. Нашёл жене и ребятишкам обновки, а себе купил кирзовую сумку-полёвку. Вещь, слов нет, необходимая пастуху. На рынке в столовой Павел посидел недолго (уж очень хорошее, доброе бочковое пиво с Устюга привозят!) и засобирался домой. Дорога шла прямо по Комсомольской улице через Ирданово. Правая вожжа уже поворачивала послушного мерина к жилью Павла Тимофеевича - односельчанина, однополчанина, купившего недавно дом на самом берегу Юга. Павел Тимофеевич служил долго, жил в чужих краях, а в этом году вернулся со всем своим семейством на родину и обосновался в городе. В августе с Толей Хохлом передал он для Павла Петровича весть, что имеется у него

фронтальная газета с фотографией, где был заснят их боевой расчёт семидесяти шести миллиметровой пушки до того, как накрыла его мина немецкого миномёта - «скрипача». Как сохранилась эта газета, Павел Тимофеевич не распространялся особо. Потерялись после взрыва все и надолго: кто-то оказался раненым и контуженым в уральском госпитале, кто-то погиб сразу, кто-то пропал без вести при взрыве, а кто-то, находясь в беспомощности, попал в окружение, но выжил. Нужна была эта газета с фотографией Павлу Петровичу, как пропуск в жизнь, как свидетельство о чести, как знак солдатской доблести, ведь в том окружении Павел Баёв был всего двое суток, двое кошмарных суток. Отступавшая с боями, какая-то ещё крепкая часть, наткнулась на эту брянскую деревню, отбила окруженных бойцов, которых немцы не успели уничтожить.

После боя приняло окруженцев партизанское соединение Брянщины. Нужна была Павлу Петровичу газета с фотографией, и вёз он её своей Катерине, своим землякам, как символ победы.

Ну что, Петька, гроза будет?

Жара стояла третью неделю. Июльский зной уже порядком поднадоел всем. Радовались лишь отдыхающие, проводящие целый день на солнце, то, загорая, то сидя или лёжа в воде маленькой речушки Микитихи. Сенокос выдался в этот год на славу. Мало только видно косцов по угорам и пожням Микитихи и Жочихи. Некому косить в Шалашневе, да и не для кого. Две молодые семьи, волею судьбы оставшиеся в деревне, не содержат скота. Мужики перебиваются случайными заработками у предпринимателя на пилораме и в лесу. Пилорама, пока работает в соседней деревне. Живут в основном на детское пособие. Двум старушкам, доживающим свой век, не до коров: козу бы прокормить.

Приезжают на пустующие сенокосы жители Никольска, те, которые содержат животных в своих частных владениях. Вот уже вторая половина июля пошла, а травы по речкам не тронуты косами и косилками. Зарастают сенокосы, зарастают поля, окружающие деревню.

Ещё школьником был, а помню, с угора, как на ладони, были видны деревни Большое Фомино и Малое Фомино. Теперь даже в полях, заросших осинником да березняком, спустя двадцать лет, заблудиться можно. Осенью прошлого года довелось побродить, поблудиться, когда, вовсю, шёл грибной сезон.

Не хочу сказать, что я не бываю в деревне, но и бываю не так часто, как хотелось бы. Получив очередной отпуск, решил на несколько дней съездить в деревню.

Пока стоит сухая и жаркая погода и пока держится полевая дорога до Шалашнева, едут с Севера мурманчане, архангелогородцы, едут с Питера, с Москвы земляки. Останавливаются у родственников в Никольске, открывают нежилые и, ещё довольно крепкие, родительские дома. И звенит детский смех, и дымятся редкие дымки над трубами в старых огородах. Деревня, укутанная шальями тополей, берёз и лип,

молодеет и, кажется, что не было никогда той опустошённости, того безмолвия, того безлюдья.

Вот и я – у родительского дома. С утра сделал немудрёные дела: наносил воды из колодца в дом и для поливки огорода, подпёр доской полуупавший забор у старой бани, требующий давно замены. Накосил три охапки травы на старом клеверном поле за домом для коз. Мама, несмотря на все уговоры детей, держит двух козочек. Сена хватает на зиму из огорода. Поставил машину в тень старых развесистых берёз, от жары, стянувшей день, как иссохшее яблоко на постаревшей яблоне.

Мама, помолодевшая от встречи с сыном, окликнула с крылечка меня и позвала пить чай, напекла для меня, как обычно, моих любимых шанежек. Мы попили чаю, я вышел покурить. Нагретая солнцем скамейка мягко приютила моё тело. Куры лениво лежали на короткой траве перед крылечком, даже не шелохнувшись при моём появлении. Ленивый ветерок ласкал распущенные косы берёз, окружающие полукругом наш дом. Ястреб-одиночка высматривал с высоты себе добычу, наматывая в небе круги за кругами. Только что найдёшь в опустевшей деревне?

Козы в загородке, изнемогая от жары, вяло «пробемекали» при звуках хлопнувшей двери. Вышла мама. Жарко! Притихло всё, как перед грозой.

Устоявшаяся тишина одинокой старой деревни, одной из немногих, разбросанных по великой России, в знойном мареве июля, казалось, взорвётся. «Мама, я схожу, пожалуй, на Микитиху, пройдусь». «Так ведь мелко», - думая, что я иду искупаться, решила мать. «Я, мама, так похожу по старым местам, отдохну. Может, в Чернедь зайду, посмотрю, нет ли там свежих грибов?» «Какие грибы ныне? Сухомень. Сходи, разомнись, передохни».

Милая мама, ты готова сказать самое тёплое, ласковое слово для сына, дочерей, лишь бы они были рядом, да пусть и далече, теми маленькими, непослушными ребятишками, даже если они

уже стоят поседевшие и повзрослевшие. И уже их дети, окружают их самих молодой порослью.

Она присела рядом со мной на скамейку, бросила курам хлебных крошек и крупы. Те лениво зашевелились. По небу заскользили, высоко пока, маленькие белые облака, как будто пьяный маляр взмахнул, пошатываясь, кистью и раскидал хлопья акриловой краски по ярко-голубому куполу неба.

Парило. Листья кустов и деревьев поникли от зноя, и, казалось, спали. Прогудела за деревней машина, пропылила полевая дорога. «Шурик Зубов приехал. Настя ещё вчера ждала, да, видно, на смене был Саша», - мама глазами проводила до соседского дома старенький «жигулёнок». Ещё одна старенькая мать дождалась сына.

Мама, милая мама, родная, уставшая от забот и годов, наша мама. Всё-то ты понимаешь, всё ты сердцем чувствуешь.

Что-то вдруг захолонуло внутри меня, какая-то сила опять надавила на рёбра до невероятной боли, сжала расслабившееся сердце. В ушах заложило.

Мама негромко о чём-то говорила: то ли о своём, то ли о соседке Насте, то ли давала мне наказ, перед уходом на речку. Я не слышал её. В голове стоял нарастающий гул, сердце, казалось, замерло, остановилось. Чтобы не испугать своим состоянием мать, я отвернулся, потянувшись за следующей сигаретой к пачке, что лежала на краю скамьи, смахнул украдкой слезу боли и с жадностью снова закурил. Я не пойду, я никуда не пойду.

Отпустило, отлегло! Жара убаюкивала. Мама ушла в избу. Докуренная сигарета обожгла пальцы. Шло умиротворение. Я встал со скамейки, вдохнул жаркий обжигающий воздух, наклонился к петуху, гордо стоявшему рядом и смотревшему на меня, почему-то, казалось, снисходительно-лукавым взглядом:

«Ну что, Петька, гроза будет?»

Маня, маленькие глазки

Сухонькая, чуть сгорбленная старушка, бойко шагала через дорогу, по которой пылила машина, гружённая совхозным скотом. Батошкой погрозила не выспавшемуся шофёру, потом перекрестила вслед уходящую машину, и застучала своим батошкой по рассохшимся скрипучим доскам хлипких мостков через канаву. Постояла минуту - две у крылечка, вытирая ноги о старенький половичок, потерявший свой былой узор красок от длительных стирок и времени.

«Христос воскрес!» - торжественно - напевно прозвучал в избе её голос.

«Воистину воскрес, Маня», - наша бабушка, только что суетившаяся у печи, переставляя чугульки и плошки, поспешила навстречу к сестре. Они расцеловались, похристосовались, как они выразились: «Давайте, ребятки, и вы поднимайтесь, Пасха ноне, Воскресение Христово». Бабушка поставила на стол самовар, чашки, заварной чайник, принесла дымящуюся паром картошку, рыжики со сметаной в эмалированном блюде, тарелку с крашеными яйцами, потянувшись, достала из шкафчика на стене маленькую - «чекушку» водки и стопочки.

«Ну, что Мария, давай помаленьку с чайком, что ли, прости Господи, праздник ведь. Ну, Христос воскрес» - бабушки выпили. Это был скорее ритуал, да и «малушка», настоящая на зверобое, стояла, наверное, ещё с прошлой Пасхи.

Мы гремели умывальником, лениво одевались. Было воскресенье, хотелось понежиться, но манил вид «крашенок» на столе, и сладки конфеты – подушечки на чайном блюдечке, да запах тёплых пирогов, испечённых с утра нашей доброй бабушкой.

Удивительно, но были они обе нашими родными бабушками, обеих их звали Мариями, по отчеству Петровны. Одна, маленькая росточком баба Маня – Маня, маленькие глазки, по-деревенски. Уже никто не помнит, почему её так прозвали. Бабушка Мария была чуть повыше, постарше.

Много лет спустя, когда бабушка Мария умерла, в свидетельстве о её смерти я увидел её настоящее имя – Маривляна, хотя в паспортах обеих сестёр стояла запись имени-отчества: Мария Петровна. Ошибка ли была это, или неграмотность работника сельсовета – неизвестно, но жили две

сестры с одинаковыми именами и отчествами, жили в одной деревне, друг против друга, через улицу стояли их дома.

Вечером Маня сидела дома опять одна. Негромко говорило радио на стене, потемневшей с годами, оклеенной фотографиями и вырезками из журнала «Крестьянка», да своими почётными грамотами, их заработала на скоте немало за долгие годы работы в животноводстве. Думала Маня о своей прожитой жизни: была она, вроде как у всех, лёгкой не назовёшь – обыкновенная, крестьянская судьба. Поучиться не довелось, работала, выросла, замуж вышла. С мужем только не повезло ей. Говорили в деревне: «Пашка у Мани – из тюрьмы да опять - в тюрьму». Детей не было. Отдавала она нерастрченную любовь внукам, нам – внучатым племянникам, да маленьким теляткам на ферме, уж, сколько их вырастила за долгие годы работы. Пашка сгинул где-то на зоне Коми, и осталась Маня одна-одинёшенька. Непрошеной гостьей зашла в дом старость, да и осталась в нём надолго. Пришли к одинокой женщине болезни и боли, которых раньше не замечала за делами. Сестра Мария уехала в город к внукам, детей нянчить, да и осталась там жить. Там и умерла.

Заходила к ней изредка соседка, да раз в неделю приезжал социальный работник, да почтальон, приносивший пятого числа каждого месяца небольшую пенсию. От беспомощности и тоски часто болело сердце, и часто плакала ночами баба Маня, вспоминая молодость, ушедшие годы: какой она бойкой была, как плясала на беседках и игрищах, казалось, что искорки сыплются из её карих, прищуренных глаз. Может поэтому, и звали её в округе – Маня, маленькие глазки. Войну пережила, в голод выжила, в лесу не погибла. Маня любила ходить по грибы. Ушла осенью собирать рыжики в летовище и заблудилась. Может, зренье подвело, может азарт, а, скорее всего, старость. Пять суток искали её жители двух деревень и милиция. Мы и к гадалке ходили и свечку в церкви ставили за упокой души, не чаяли увидеть её живой. Не горела свеча. Жива была Маня. На шестые сутки сама вышла из леса, вернулась домой. Болела долго, но снова выжила. Но вот, видимо, пришёл её последний час.

Уходила баба Маня в мир иной тихо, одинокой. Холодным мартовским вечером остановилось сердце труженицы.

Похоронили её на новом городском кладбище. Одинокая могилка.

Время не щадит никого и ничто. Нет уже в деревне и дома Мани, время и люди разрушили его. Наш дом тоже хиреет без должного присмотра, приезжаем летом, как на дачу. На короткое время оживает дом, собираются под его крышей дети, внуки, правнуки.

И, кажется иногда, что, вот-вот, простучит батожком по мосточкам, скрипнет дверь в избу, и войдёт в дом наша баба Маня, доставая из клетчатого фартука крашеные луковой шелухой пасхальные яйца, и негромко скажет: «Христос воскрес».

Два Ивана

*Светлой памяти ветеранов Великой Отечественной войны,
памяти моего деда Ивана Тимофеевича Лешукова
посвящается...*

Я любил деда. Ходил за ним тенью. Дед повсюду брал меня с собой: и в сузёмы по грузди, на рыбалку в заповедные, известные только ему, места, на сенокос, по ягоды на дальние болота или в боры, в сельсовет, когда ездил по делам или на встречу с фронтовиками, в город на ярмарку. Тепло и уютно было в доме у дедушки. Бабушка баловала меня вкусеньким, а дед учил меня всему тому, что хорошо умел делать сам. Учил жизни, любил меня дед. Внуков мы любим сильнее, чем собственных детей. Теперь это чувствую сам, когда сам стал дедом.

Но самое главное: в доме были книги! Каждый месяц деду привозили небольшой, продолговатый ящик с книгами из сельской библиотеки, так называемую передвижку. И я читал, читал всё подряд и ждал, ждал следующего привоза книг для деда. Какие – то были книги!

Дедушка поощрял мою страсть к чтению. Зимними вечерами, набегавшись по улице, я шёл к дедушке!

Ужинали, пили чай. Я брал книгу, забирался на полати и читал. На полатах было тепло и удобно. Свет лампочки хорошо освещал страницы, и можно было читать лёжа. Я знал, что никто не осудит, не оговорит меня за это. Так было и в тот вечер, но, неожиданно, раздался негромкий стук в дверь. Дед вздрогнул: «Мы что на запоре, мать? Рановато вроде? Кто же там?». Он прошаркал огромными подшитыми валенками к выходу, набросил на плечи старую фуфайку - «куфайку», как он прозывал её, и пошёл встречать гостя. Я, свесив голову, с интересом наблюдал за действиями.

В распахнувшуюся дверь ввалилось облако холодного воздуха и расплзлось по полу. Показались: большая рыжая шапка и высокий овчинный воротник тулупа. А после вошёл сам гость, по крайней мере, я так всё это увидел. Дед, подталкивая рукой его, приговаривал: «Проходи, Ваня! Проходи, гость дорогой, вот радость! Проходи, раздевайся. Рад!» Иван снял шапку, обнажив седую, казалось белую, голову, сбросил тулуп,

отряхнул и повесил одежду на большой крюк за печкой, вбитый давно дедушкой для хомутов. Шагнул на свет и поздоровался с бабушкой: «Как поживаешь, Уля, по-здорову ли? Здравствуй!». «Здравствуй, Иван Васильевич, по-здорову. Проходи в сутки, в ногах нет правды, озяб, поди?» - бабушка, поздоровавшись с гостем, захлопотала. Я всё вспомнил и понял: «Кто же этот старик?»

У дедушки, в самодельном альбоме, на самом почётном месте была фотография, где на фронтовом снимке – два бойца. Один был в фуражке – мой дед, другой, с белой головой, держал её в руке, как на смотре. Бойцы сидели на бревне перед объективом в торжественной напряжённости. Гимнастёрки у обоих были увешаны орденами и медалями.

На обороте фотокарточки рукой деда, рубленным дедовским почерком, была сделана надпись: «1944 год. Я с Ванькой «Белым» из Петряева, земляком моим. Живы!» И – подпись, узловатая дедушкина подпись на снимке. Вместе воевали, рядом жили и звали друг друга шутливо: «Ванька Белый, да Ванька Серый».

И крепка была эта дружба, опалённая войной.

«Ну что, солдат, давай обнимемся, что ли?» - гость повернулся к деду по-солдатски, всем корпусом. Иван Тимофеевич, мой дед распахнул объятия: «Давай, солдат, давай!» Ветераны крепко обнялись и долго стояли, молча, склонив друг другу на плечо головы, и не скрывали скупых слёз.

Бабушка накрыла на стол, окликнула Иванов: «Ну, будет вам, будет, проходите к столу! Самовар вскипел, рассаживайтесь». Самовар фыркал, мурлыкал на столе, сопел, как старый кот Васька, что бессовестно спал на моей подушке, пока я подсматривал за стариками.

Первым опомнился мой дедушка. Крякнув, заторопил гостя к столу: «Садись, Ваня, присаживайся, солдат. Какими судьбами у нас? Рассказывай». Гость поудобнее устроился на широкой крашеной лавке, подвинулся ближе к самовару, взял чашку с горячим чаем, сделал пару глотков, стал глуховато рассказывать, изредка прерываясь, продолжить чаепитие: «Я шёл к Тольке Масловскому. Давно собирался сходить в Маслово. Овчины несут, котомка там, у тебя на мосту. Полушубок хотел заказать сшить для сына, в Мурмане он, да и старшину очень хотелось повидать.

Да и тебя уже давно не видел. А дорога от нас не накатана, ногам моим худовато будет. Через вашу деревню ноне лес тащили волоком, идти всё легче будет. И с тобой посидеть, поговорить захотелось. Тяжко, Ваня, что-то на сердце, тороплюсь, вот и зашёл. Переночую, примешь?». «Вот и ладно, вот и хорошо! Оставайся! Поговорим. Отдохнёшь, а завтра я выпрошу у Василия Ивановича лошадь, не откажет фронтовик фронтовику, думаю, и съездим вместе в Маслово, проведем товарища, повидаем Тольку», - дед то ли уговаривал, то ли успокаивал себя.

Старики пили чай с водочкой, говорили, говорили, вспоминая былое. Под негромкий говор ветеранов я уснул. Проснувшись утром, я понял, что Иваны уехали всё-таки в Маслово. Дед сдержал слово, выпросил у бригадира для друга лошадку.

Много лет спустя, я нашёл среди старых бумаг и газет ту, пожелтевшую фотографию: Иваны, brave солдаты Великой войны снова сидели торжественно на бревне, снова напряжённо смотрели в объектив фотоаппарата фронтового корреспондента. Два Ивана, два русских мужика из Вологодской глубинки, двое – из миллионов русичей, спасших мир в Великой Отечественной войне от гибели, от уничтожения.

И пусть память о вас хранится веками в сердцах поколений, спасённых вами!

Спят солдаты вечным сном на разных кладбищах.

И только смерть разлучила Иванов.

Вечная вам память, вечная вам слава, солдаты!

Разговор с собой

Иногда мне, как и любому человеку, бывает грустно. Хочется побыть наедине. Состояние такое зависит от многих причин. Стоит ли искать оные. Испытано давно хорошее средство от грусти, от меланхолии. Средство это – общение, занятие. Я, в такие минуты, пишу или читаю, или разговариваю сам с собой. Не заговариваюсь, мой читатель, а разговариваю, беседую один!

Хорошая штука – разговор с собой!

Маяковский говорил с Солнцем, а я с собой. Можешь сказать себе всё, что считаешь необходимым сказать. Нет собеседника. Ты один. Говори. Спорь. Доказывай. Отрицай. Сам себя суди и осуждай, поправляй, возражай, никто не сможет тебя остановить, кроме твоего сознания. С одной стороны, это кажется идиотизмом, склонным к умопомрачению, с другой стороны, это твердый и здравый анализ.

Раскладываю: мысли, дела, стихи. Обиды, деньги, потери и любовь. Радости и находки, состояние своей души, слова – словом жизнь! Как нотные знаки на нотном стане, лежат они неподвижно до поры.

А тронь – звучит музыка мелодии жизни!

Надя Митькина

Горела тоненькая розовая полоска между тяжелыми, серыми облаками и полем.

Заря отогревала низкое осеннее небо. Деревня просыпалась.

Такая же, как вязкие облака, тяжелая грязь, прихваченная ночным морозцем, сковывала резиновые литые сапоги доярки Нади Митькиной.

Надежда спешила на ферму, радуясь встающему рассвету. Под зарей идти гораздо удобнее, чем, с вечно гаснущим, фонарем «Летучая мышь». Ночью начались отёлы, ходила проверять. Теперь она шла на дойку, время поджимало. Звезды бледнели, заря разгоралась. Утро начинало свой ход, и жизнь на колхозной ферме гудела вакуумным насосом. Звенели крышки бачков, телятницы и доярки разносили запаренный фураж и мучную «болтушку» в лотки и корыта.

Григорий Максимович, кряжистый, будто бронзовый, старик – вечный, в моей памяти, сторож прокопченной теплушки, низенького телятника и молочного двора на шестьдесят голов скота, скрипел рычагом двухплунжерного ручного насоса. Он качал из привозной бочки ключевую воду в расширительный бак древней, как он сам, избушки-теплушки. В избушке пахло махоркой, молоком, хомутами и, еще чем-то, сладким. Прел насолодевший фураж. Напарницу, сменщицу Нади, Веру, из большой семьи Фёколиных, Толя Всеволодков на своем бензовозе еще вечером увез рожать четвертого в райбольницу.

Надежда налила из чугунного котла на печке в два подойника теплой воды, набросила на руку марлевый обрез и направилась мыть вымя коров, готовить их к дойке. Обитая старыми телогрейками, дверь в теплушку распахнулась. Вместе с облаком холода, в избушку вошла розовощекая, как мелькнувшая зорька, молодая племянница Нади Ирина.

Это она сегодня ночью дежурила и принимала отёлы у Милки, Второй и Звёздочки, и к ней с помощью и советами приходила тетя Надя.

Ира осталась работать на ферме от безысходности. Она собиралась поступать после школы, как и многие подружки, в медицинское училище. Маму Настю – сорокатрехлетнюю женщину, измученную работой, детьми, постоянно занятым мужем, председатель Алексей Иванович отправил на лечение в

соседний санаторий. От тяжелой работы, от постоянных перегрузок и нервных срывов, у не старой и еще красивой женщины, стали опухать руки. Что бы, как-то, помочь семье, Ира заменила на ферме маму. Что-что, а работа телятницы ей была знакома до мелочей с детства. Надя помогала сестре, чем могла: то поношенную одежду детей принесет, то десятичку до получения одолжит (одолжит и забудет), то маминых пирогов принесет, когда идет на двор.

Мать Насти и Нади Анастасия Власиевна жила в доме Надежды. Бабушка была в силе, вела большое домашнее хозяйство и нянчилась с внуками. Из пятерых детей Нади двое учились в восьмилетней школе, жили в школьном интернате. Две девочки ходили в начальную школу в своей деревне. Самая младшая Танька качалась, вместе с тряпичной косматой куклой, в скрипучей зыбке на оцепе.

Долгая усталость и тепло избушки усадили нашу Надежду на низкую скамейку, выпиленную из обрубка елового бревна с крепкими сучьями, ставшими ножками для скамьи. Надя сидела у печки и улыбалась счастливая хорошему, своему. Радовалась, что мама у неё жива и здорова, что, как может, помогает ей, что дети учатся хорошо, учителя их хвалят на собраниях, что муж ей достался добрый и работающий. Бабушка, последнее время, часто ворчала на неё: «Не домовый твой мужик, Надька, не домовый! Весь на колхозной работе». «Домой приходит поспать, кишку набить да долотом постучать», - говорила она, намекая на, округлившийся снова, живот дочери.

Надежда улыбалась. «Тётъ Надя, доить-то пойдешь? – вывел её из раздумий голос вошедшей племянницы – «Зорька-то урыкалась вся!»

Надя улыбнулась племяннице, её настойчивости, взяла в руки ведра-подойники и пошла в коровник.

Начинался новый день.

Принесет ли он радость счастья моим землякам, пришедшим из памяти моей на станицы этого очерка?

Лога

Эссе

Лога – неглубокие впадины, вырытые ледниками, уютжившими наш север в приснопамятные века. Разбросаны лога по лесам – борам и суземам, по ручьям и речушкам, между заплат русских полей, будто смятые картузы, потерянные нерадивым портным, возвращавшимся ночью с ярмарки. Обжиты лога. Звенят в логах летом сенокосы. И у каждого лога есть свое имя. Наречены именем лога, по принадлежности.

Душа поет, перечисляя тебе известные лога: Федюнихин Лог, Санихин Лог, Мирошонков Лог, Колесов Лог, Офонасьин Лог, Сидорков Лог. Васин Лог, Матвиев Лог. Пересчитать их можно, но оставляешь новую встречу с новым логом, как новую находку, как новую радость возвращения в безмятежное былое – не очень сладкую, но без обилия горечи. Все было в меру. Мера, что ли, оказалась неподъемной или мы ослабили от благодушия? И, будто в одночасье, переменялся мир. Лакмусом тотальных перемен выступило безразличие. Осиротели лога на долгие годы. Изредка заходили к покатым откосам, к ручейкам, к старым шалашам проходившие охотники и лесостроители, да ревел медведь на теплом увале лога, засыпанном земляникой. Зарастают сенокосные лога ивой и лабазником, лесом по верховьям увалов и грив. Другая красота и почитатели иные идут в Санихины, Федюнихины, Колесовы, мои лога. Идут и хищники. И режут молодой лес мощные мотопилы и режут тело лога колеса иностранных тягачей. Где-то, в журнале разлинованном, штампованном, мои лога стоят придатками в лесных массивах, предназначенных к уходу. А будет ли он – этот уход, или погибнет истерзанное тело Матвиева Лога в Здымовловских сузёмах под колесами современных промышленных монстров? Может, я краски сгущаю? Может, снова в логах зазвенит смех, и будут слышны незлобивые перепалки моих односельчанок? Может, вдруг услышим забытую частушку: «Как по Санихину

логу – белые платочки! Баско косят эти девки – Санихины
дочки!»

А я пишу в свои скрижали, печалюсь и памятуя, Топорков
Лог, Фачин Лог, Подовинный Лог...

2018 год.

Из гудящего, качающегося и трясущегося здания в низенькие ворота выходил белый, будто снежный, невысокий мужичок – деревенский мельник Иван, Иван Петрович, Ваня-мельник. Сквозь, запыленные мучной взвесью, ресницы улыбались серые глаза, встречая новых людей, с новой партией помола.

Мы жили рядом, и я часто убегал на мельницу. Она мне казалась кораблем, плывущим куда-то своим морем, подвластному одному капитану – Ивану Петровичу Вязникову. В чреве корабля что-то гудело, двигалось, скрипело, вращалось. Каменные жернова перемалывали зерно, поступавшее ровной струей из приемного бункера. Мельник что-то двигал, включал, переставлял, пробовал на вкус муку, зерно. Желто-грязная лампочка в алюминиевом патроне качалась над всем этим дребезжащим и стучащим сооружением. На мучном полу стояли мешки, и котомки со свежей мукой, с крупами. Ваня-мельник улыбался сквозь белую маску, покрывшую его небритое, усталое лицо. Улыбался, радуясь сделанной работе: родилась новая мука. Будет новый хлеб!

В левом углу большой мельницы, как бы на втором этаже, была срублена из круглого леса маленькая избушка-сторожка, в которой Иван Петрович отдыхал в редкие часы, когда не было ремонта, и не подъезжали подводы с зерном.

Зимой топилась маленькая печка. Кипел огромный, пятилитровый, чугунный чайник. Где его, только, Ваня-мельник «откопал»? Томилась на кирпиче печеная картошка. В маленькое, квадратное окошко едва пробивался дневной свет. На столе лежала большая книга на непонятном мне языке с красивыми картинками. Позже я узнал, что это старославянский язык. Мужики, привозившие зерно (те, что курили), беззастенчиво вырывали листы из этой антикварной книги. Между оставшимися листами, Иван держал накладные листы, которые приносили возчики. Все строилось на доверии: Ваня-мельник ни читать, ни писать не умел. Он и расписываться научился, кое-как и поздно. Мне эта комната казалась корабельной кают-компанией, когда приезжали возчики с зерном, то рубкой капитана из приключенческого романа.

К нам, мальчишкам и девчонкам, Иван Петрович относился с теплом, часто угощал сладостями.

... Умер Ваня-мельник холодной осенью.

Сердце устало.

Умер колхозник, кузнец, мельник. Умер хороший человек.

А мельницы больше тоже нет.

Уплыл корабль Вани-мельника в далекое и вечное плавание...

Детство уплыло на том корабле – деревенское моё детство.

2018 г.

Половодье

Плотный туман ещё с вечера лежал на реке белым пологом. Василий столкнул с берега небольшую лодку - дощанку, консервной банкой вычерпал, скопившуюся после весеннего дождя, воду. Вставил весла в уключины лодки, качнул веслами, проверяя, как молодая птица крыльями перед полетом. Противоположного берега реки не было видно. Шумела весенняя река, каждый изгиб и пережат которой был с детства знаком Василию. На реке вырос. Родительский дом стоял в полукилометре от воды.

Плыть было рано, вода покачивала дощанку, думы наплывали крылом тумана. Трактор сломался в поле. Сосед отбуксировал его к дому, там и оставил. Ремонтные мастерские были на противоположном берегу реки. Вот и попросил председатель Василия повозить молоко во флягах на лодке, пока стоит половодье. Жалко ему было отвлекать хорошего тракториста, но и на реке был нужен ответственный человек. И согласился человек, хотя работа была не из легких. Но была река – его река.

В половодье река принесла столько всего, диву даёшься: от разрушенных птичьих гнезд до канцелярского стола, невесть, где подобранного водой. От латаных - перелатаных сапог до «горбатого запорожца», украденного рекой в какой - то пойменной деревне.

Все, что вода смогла взять в это наводнение, взяла и, играючи неумной силой, несла к низинам. А потом уставшая вода оставляла свои приобретения на затопленных островках, у ивовых зарослей да одиноких валунов.

Освобожденная тихая река лениво катила свои воды к водам другой реки, с которой ей предстояло слиться и бежать к морю новой рекой.

По белому туману, укрывшему воды, будто раскатанным рулоном марли, солнце уже раскидывало краски золота, оранжа, кармина, вишневого настоя.

И туман, как сдобный квас, настаивался в речной котловине, словно в большой братине.

Предутреннюю тишину изредка нарушал заполошный крик совы, потревоженной запущенным сепаратором, и скрип плохо смазанных уключин колхозной лодки.

...Василий Баданин, двадцатилетний парень переправлял лодку на противоположный берег. Там в воде, связанные смоленой веревкой, с вечера стояли фляги с молоком, привезенные с вечерней дойки. На левом берегу работало сепараторное отделение Головного маслозавода. Вот к нему и нужно было доставить эти пятьдесят шесть фляг колхозного молока. На берегу уже ждет возчик с отделения. Не раз погонит свою лодку Василий. Утром привезут новую партию молока. Опять заскрипят уключины.

Будь милостива, река, помоги парню, не буянь, будь ласкова. Правил лодкой Василий Баданин.

Шло половодье...

2017-2018 г.г.

Ночью лютовал мороз. Трещали стены деревенских изб. Закуржевелые от мороза березы стояли вдоль деревни, будто девушки в белых сарафанах и платках, зазывая молодцев в гости на летний праздник.

На полотне черного ночного неба синели холодные звезды и белели «столбы» дымов, топившихся печей.

Борис Павлович, сорокашестилетний мужик, отец большого семейства сгрел на печи вытертый промасленный овчинный полушубок и бросил его на широкую лавку. Сегуя на изувеченную ногу, влез в такие же промасленные ватные штаны, в серые самокатанные валенки с галошами - броднями. Посмотрел на настенные часы-ходики. Было три с четвертью часа январской ночи.

Жена Ульяна Ивановна, степенная, невысокая, чуть полноватая женщина, положила под крышку кипевшего самовара два куриных яйца, завернутых в лоскут марли, и стала собирать сумку с едой в дорогу. В свете продолговатой лампочки-сороковки, горевшей над кондовым кухонным столом, укладывала она в кирзовую сумку сало, хлеб, нож, закопченную алюминиевую кружку, спички.

Потом она вынесет её хозяину, Борису Павловичу, когда тот будет уже сидеть в кабине своего трактора. Так было заведено в этом доме.

Борис споро надел полушубок, треухую шапку, сунул в карманы пару запасных рукавиц и стал зажигать видавший виды керосиновый фонарь, заправленный, как у всех механизаторов, соляркой - от чего тот фонарь немилосердно дымил, в полчаса покрывая слоем сажи фирменное стекло.

Ульяна выгребла из печки-голландки три совка красневших березовых углей в старое ведро: по избе потянуло жаром и дымком. Борис Павлович взял фонарь и ведро с углями и пошел на мороз - заводить своего испытанного «харьковчанина».

Как все это делается на двадцатисемиградусном морозе - описывать не стану, только через два часа затрещал, тревожа деревню, «пускач» Борисова «хэтэээ». Судорожно рывкнул главный двигатель, выстрелив черными хлопьями в черное небо, окончательно разбудив деревню. На столбе, возле дома, Борис

Павлович повернул рычаг выключателя, и в деревне зажглись редкие огни уличных фонарей.

Уже спешили на ферму доярки, торопились телятницы, шел конюх Олёша Степанов.

С лопатами, с вилами, с топорами и веревками к дому пришли четверо мужиков, которых направил бригадир за сеном в Кумбисерские сузёмы.

Они уложили на остатки соломы в санях - волокуше свой инструмент, сумки со снедью, и усаживались сами - спинами к трактору, укутываясь от мороза в добротные овчинные тулупы и дохи. Двое из них, что помоложе, держали стальную «серьгу» прицепа, подводя её под зацеп трактора. Лязгнуло железо прицепа, сверкнули в фонарном свете мерзлые траки. Борис рывком тронул трактор, отрывая примерзшие к дороге сани движением фрикционов: то влево, то вправо. Выровняв волокушу, Павлович добавил «газу», и послушная «дэтэшка» пошла, подминая под траки колючий январский снег.

Два желтых огня круглых выпуклых фар скупо освещали снежную целину. Борис Павлович поглядывал: то, на заснеженных мужиков, то, на чуть видимую лесную дорогу.

Холодные синие звезды безучастно смотрели сверху.

Ночь шла на убыль.

2017-2018г.г.

*Моим бабушкам, их золотым сердцам,
их светлым душам посвящаю...*

«Колотилась, молотилась вьюга белая в окно. А не бейсь, не колотися, спит робёночек давно...» - тянулся по темной избе нехитрый мотив. Скрипел очеп, качалась, закрытая льняным сарафаном, липовая резная зыбка, привязанная лыковой верёвкой-оборкой к бабкиной ноге. Тихонько и ритмично постукивала сосновая мутовка в фоминской узкогорлой крынке, сбивая из собранной за неделю сметаны масло. «Я к воротам привязала верёсовый бадожок. Что б никто мою касатку из избы не уволок...» - напевала, выговаривала бабушка Вера под скрип очепа свою немудреную песню-присказку, сочиненную, может статься, а ею же самой. Потеряв свою соску-пустышку, в зыбке пускал пузыри, зажав в маленьком кулачке кончик пояска застиранного бабкина сарафана, годовалый Лёнька – первенец её молодницы.

Он проснулся давно, но лежал, не подавая голоса, в летавшей, то вверх, то вниз зыбке и смотрел удивленными глазами на качающийся полог сарафана. Бабушка Вера остановила полет зыбки, сняла с занывшей ноги оборку, поставила на стол крынку с мутовкой и зажгла керосиновый фонарь. Темнело зимой рано.

Электролинию из райцентра подведут в деревню через четыре года. Оставленный без опеки, Лёнька пустился в крик, поливая домотканую пеленку отходами выпитого перед сном чая. Вера заспешила к внуку: «Милушко ты мой, преничок-то сладкий!» - распевалась, забирая своего Лёньку из зыбки – «Ишь, напрудил-то сколько! Глинушко какой! Пойдем-ко на кошулю. Посиди. Посиди пока, миленькой...» Она посадила внука на старую шубу-кошулю, застеленную свежей простынкой, и стала убирать матрасик и мокрые пеленки из Лёнькиной зыбки.

Лёнька попытался встать на свои молодые ножки, ухватившись за край широкой лавки, но не удержался и довольно крепко стукнулся лбом о лавку. Криком раненой птицы пролетел по вечерней избе его плач. Бабушка Вера подхватила малыша на руки, сама с испугу всхлипывая. Она сунула в ручонки внуку бутылочку с козьим молоком и стала растирать большой

оловянной ложкой ушибленное место Ленки. Бабка гладила ушиб ложкой, дула, причитала и снова всхлипывала. Ленка похныкал и снова уснул, прижатый сухой бабкиной рукой.

Верина ладонь гладила русые волосы внука и, остановившись, упала на колени. Бабушка тоже задремала. По деревне шел зимний вечер, переговариваясь с наигравшейся за день вьюгой.

... Снились Лёнке чайные сны.

2018 год.

Заходила в избу она всегда долго. Ко всему она относилась основательно и, как-то по-свойски. Принесет моему отцу перед сенокосом отбить поржавевшую за год и рассохнувшую косу, повесит на изгородь и пойдет смотреть наше подворье. Да так обстоятельно, будто собственное. Перевернет молодую отаву в куче, заглянет в курятник, потопает ногой, в коротком валенке в калоше, по новым доскам через канаву, постучит батоном по поленницам дров, проверяя на звон сухость укладки. И, довольная увиденным, Офонасья (я намеренно оставляю в тексте имя героини Афанасии, измененное земляками на деревенский лад) заходит, кланяясь, в избу.

- Петя, я тебе косу принесла. На огород повесила. Наклепи, милушко, покошу у дома, коли здоровье будет. А нет, так уж нет. Наклепи, Петенька.

- Здорово живешь, Надя, - это уже обращение к моей маме, выставляющей объемные чугуны из печи, - Помогай, Бог.

Осень заваливала деревню опавшей листвой, небранной картофельной ботвой, соломой, привезенным сеном, не распиленными возками ольхи. Осень провожала гостей в города, щедро одарив всех своими дарами. Осень справляла зажинки и свадьбы. Гремели по деревне братчины и топоры, селяне гуляли и строились. Офонасья, опираясь на свой отполированный батожок, шла с утра к родственнику Алексею (Лёле). Алексей Николаевич, которого за невысокий рост и добрый нрав звали просто Лёлей, заводил трактор. Увидев Офонасью, он заглушил пускатель и ушел в дом, предчувствуя долгий разговор. Родственница, по обыкновению, обошла хозяйство, пощупала снопы ячменя, прогнала Жульку с крылечка и, перекрестившись, вошла в просторный дом Зубовых.

- Здравствуйте, крещеные - усаживаясь на лавку, заговорила она. - Лёля, скоро Покровская суббота. Свози меня на могилки, ногами то не дойти мне. Свози, ради Христа, Лёля. Ты, уж, не брани его, Настя. Посидев часок на лавке, уговорив Алексея свозить её на тракторе до кладбища, долго крестилась на икону и, поклонившись, пошла в свою избушку, стоявшую напротив Зубовых.

Зима в тот год была снежной и тяжелой. Не было дорог к сенокосным угодьям, где стояли стога первоклассного сена. Мощных тракторов было мало, а слабосильные МТЗ и ДТ не справлялись. Трактора денно и ночью наминали дороги в суземы и в дальние лога, чтобы обеспечить колхозных и своих коровушек луговым сеном.

Офонася заболела. Местный фельдшер, утаптывая сугробы, усталая делала ей уколы, качала головой и тихо уходила. Горела лампадка перед ликом Спасителя. Заскрипели изношенные ступени, скрипнула дверь, вошел, стряхивая снег, сын Николай. К вечеру подъехал старший сын Анатолий, пришли внуки, повеселела Офонася.

В следующее лето я уехал учиться в институт. Офонася ходила, наверное, к отцу править старенькую косу или сидела с внуками на скамейке перед белыми окнами избышки. Сколько таких, как она, бабушек создавали теплый мир деревни?

Живи, Офонасьюшка!

2018 год.

Васиха

Былое

Август, в тот год, стоял удивительно тёплый. Нежаркий, а тёплый, будто парное молоко. И туманы стояли в логах ласковые, не было, только, дождей. И картошка в огородах стала отрастать раньше времени. В такую, вот, парную ночь я ушел спать на сеновал - в избе было жарко: теща утром истопила печь, чтобы приготовить еду для скота.

Жена с вечера приготовила постель из свежего сена. Сон был лёгким и спокойным. Ранним утром меня разбудил нечастый, но звонкий стук металла о металл, как будто, кто-то с задержкой, бил по наковальне ослабевшей рукой или в полсилы. Из любопытства я вышел на улицу. Утреннее солнце уже сделало обход деревни и повисло на Миколихиных тополях. Внизу, за рябинами и ивами, в речке стелились остатки ночного августовского тумана.

В соседнем огороде женщина, преклонных уже лет, лопатой споро копала картошку. Лопата, по всем признакам, была её ровесницей и часто гнулась в твердой земле грядки. Васиха, так называли в деревне эту женщину, поворачивала лопату погнутому концом и деловито колотила им по старому топору, который тащила за собой по грядке - вот откуда шел металлический стук, меня разбудивший. В деревнях, да и не только, картошку копали вилами: самодельными и покупными. Васиха же Маврухина копала всегда лопатой. Бог ей в помощь!

Меня интересовал не процесс уборки картофеля пожилой соседкой, а её имя - отчество. Старые и малые называли её Васиха - это, по всей вероятности, было деревенское прозвище - прозвание, коих в деревнях присваивали каждому и по-своему. Соберут воедино имена родни односельчанина и выдадут ему величание, вроде такого: Енька Мишки Васьки Стёпкина. По фамилиям называли редко и не многих, а деревенские прозвания были в обиходе. Александров Топорковых было несколько, а Шурка Серьгин - один. Порой родственник почил в бозе много лет назад, а имя его, приставкой к своему, носят несколько поколений. Нет Поликсиа, а живут и здравствуют в деревне три поколения: и все - Поликсины.

Родственники мои ответа на мой вопрос не дали: привыкли к имени Васиха, да и бабушка откликалась: «Зовите Васихой, так уж сподручнее». Евдокия Андреевна - так звали Васиху - приходила к нам по-соседски. Часто долгими вечерами она сидела с нашей бабушкой за самоваром. Приносила нам конфеты и пряники. Мы для неё были теми маленькими ребятишками, которых она видела с рождения, в том числе и меня, хотя я был из другой деревни, но мальчишкой бегал в эту деревню на летние праздники и в кино. Она всегда шла на помощь к любому, кто позовет. Пока была в силе и на сенокос ходила, и ребятишек нянчила, и в домашних делах многим помощницей была. Родных у неё в округе и райцентре не было. Сестра и дочь жили где-то на чужбине, но на родину не приезжали. Когда наступили немощь и старость, приехала с Северов её дочь и увезла мать.

В памяти земляков осталась безотказная в помощи и уважительная к людям Васиха Маврухина.

Доброта остается добротой.

2019 год.

Почти было

Решила моя теща пиво сварить на деревенский праздник. Родня соберется, гости иные: дальние и ближние придут. Как тут без пива, да и на другое браги можно поставить. Все же подспорье: где вина, водки найдешь на такое застолье? Между обрядами со своим и совхозным скотом теща сумела смолоть рожь, пророщенную на солод, на мельнице в соседней деревне Шалашнево. Попутно привезла на лошади кадушки, корыто, пивной инвентарь и самого Василия Антоновича – крепкого ещё ветерана и отменного пивовара. Я напросился к нему в помощники, благо мой отец меня кое-чему научил. Он и сам слыл добрым пивоваром.

В огороде, поближе к колодцу, подальше от жилья установили стойки - «козлы» под две двухсотлитровые бочки, исполнявшие роль варочных котлов. Вся семья помогала носить дрова, наливать в бочки воду. Собранные заранее в речке камни, укладывали рядами между поленьями и плахами в «груды»-горку, которую потом подожгут, чтобы нагреть уложенные камни. В больших чанах, установленных в пристройке – ограде, силами и сноровкой Антоновича было приготовлено всё к действию. Установлены штыри в днища и уложены кресты, связанные из березовых виц, чтобы хлебная, солодовая смесь не попадала в канавки штыря. На стеллаже лежали вилы, коими будет носить раскаленные камни родня к чанам, два деревянных весла и ковш средней величины. Лежал и большой деревянный ковш. Он универсален: им же закладывают горячие камни в настоящую солодовую взвесь, им же черпают сусло их корыта, им же можно умерить пыл, не совсем адекватного соседа, вымалывающего у тещи бутылочку «до завтра». Легкий массаж этим ковшом по мягкому месту приносил результат. Котлы кипели, солод засыпан. Наступала пора заливать горячей водой солод и кипятить его нагретыми на костре камнями.

Я исправно выполнял указания Антоновича, усердно перемешивая солодовую муку, в которую женщины наливали воду из котлов. Наконец чаны были наполнены, и нужно было приступать к укладке камней, чтобы вскипятить солодовый раствор. Вскипятить так, чтобы ни было горечи пригоревшей

муки, и не прожечь горячими камнями деревянное дно чана. Все бы было ладно, да сердобольная тёща часто звала Василия Антоновича «чайку откушать». На «устав» Антонович вышел в легком подпитии. Осмотрел настой и отдал команду носить камни. Вручил мне ковш и, прищурившись, изрек: «У батьки видел, как укладывают камни? Видел, то не спеши, с «поджигом» делай, да водиком и с ладом». Я буду на «уставе», спрашивай, коли что. Да сусло не сплавь и водой не поливай. Гаси бырь камнями холодными, коли поплывёт за край».

Действие началось: родня и соседи-помощники, почти бегом, носили раскаленные красные камни. По два-три клали в мой ковш, а я медленными кругами отпускал их на дно чана, нагревая солодовую болтушку. Наконец, в чане начал кипеть приготовленный настой. Слышалось «бормотание», как будто кто-то невидимый перекачивал там, на дне, горячие речные камни. Сусло кипело.

На скамейке, под это «бормотание», посапывал мой учитель Василий Антонович. Чаёк у тещи, знать, едрён заварен.

Бог пожалел нас: сусло было отменное. Хороший солод «вызорила» бабушка, хороший солод смолол Ваня - мельник из Шалашнева. Хороший учитель сидел на «уставе». Отменные и справные были помощники. Ребятишки и взрослые пробовали и пили, всласть, сладкое и тёплое сусло, а Василий Антонович всё черпал и черпал из корыта сусло в ведра. И снова носили эти ведра с суслон в котлы и кипятили сусло с хмелем. Это, потом, разольют тёплое сусло по лагунам, добавят дрожжи - «мел». И будет «бродить» - выстаиваться хмельное янтарное пиво в подвале.

Василий Антонович всё черпал из корыта тёмное сусло, будто благословляя нас...

2019 год.

Булатковы

Короткий рассказ

Десять километров весеннего бездорожья – невелик путь для молодого парня. Меня вызвали в райвоенкомат для прохождения медицинской комиссии и получения мобилизационного предписания. Учебу в институте я оставил, поэтому на девятнадцатом году моей неустроенной жизни меня призывали в ряды Советской армии. Предписание я получил в четвертом часу после полудня. Предстояла обратная дорога по бездорожью, да, еще, и дождь наладился меня вымочить в пути. Я решил переночевать у родственников в городе и утром идти домой. На сборы новобранцам отвели неделю. Папа намеривался сварить на проводы пуда полтора пива. Не хватало дрожжей. Мамина двоюродная сестра (мама звала её ласково родной сестренкой) работала в районном пищекомбинате. И мне наказано было зайти к ней на работу и передать просьбу мамы о дрожжах, а если припозднётся, то проситься переночевать:

- «Иди к Булатковым, хоть и тесновато, но не в обиде. Примут на ночь. С утра домой поспешай, может, на хлебовозку успеешь. Дойдешь, ноги молодые».

Булатковы... Жила в нашей деревне большая семья. Обыкновенная, работающая, многодетная семья. Величали их и старый и малый прозвищем Булатковы. Оно настолько срослось с этой семьей, что стало второй фамилией. Бабушку Анну селяне звали Булатихой, Большухой – домашние, разумеется, бабушкой, мамой. Семейное прозвание произошло, по всей видимости, от личного имени прародителя семьи – Булатка или Булата. Мужики из семьи Булатковых все оставили мир земной: кто-то погиб в кровавых битвах Гражданской и Великой Отечественной войн, кто-то умер от ран и болезней войны, кто-то от непосильного крестьянского труда и на лесозаготовках, кто-то дожил до преклонных лет. Разъехались Булатковы по земле российской. Кто на Кубань, кто в лесопункты Коми и Архангельска, кто в родной Никольск. За лучшей долей уехали. Большой дом пришел

в упадок. Умер. Его распилят на дрова наследники Булатка, но не скоро будет дело. Из большой семьи Булатковых живет в Россохине Антонина Ивановна Кокшарова, в преклонных уже годах.

... Старенький деревянный пищекомбинат у рынка разливал по округе ароматы пряников и конфет. Я спросил у женщины, которая мыла коридор, как мне найти Надежду Кокшарову. Женщина просила подождать на крылечке и ушла. Вышла тетя Надя – миловидная женщина в белой косынке и в синем халате. Я поздоровался и рассказал о просьбе мамы. Тетя Надя, через малое время, принесла мне небольшую коробку и чашку чая, да кулек мятных пряников: «Ночевать, Леня, если останешься, то мама тебе устелет. Я работаю сегодня в ночную смену». Я поблагодарил её и отказался. Дождь стих. Время весной светлое, не осеннее. Я выпил предложенный чай, попрощался с Надеждой Ивановной – Надей Булатковой и пошел отмерять метры, километры по Комсомольской улице к дому, в родное Шалашнево, где жили Булатковы когда-то.

И, ныне, в разных городах и всях живут внуки и правнуки Булатковых. Живо родословное дерево семьи, но, к сожалению, другой ветвистости и крепости другой...

2019 год.

Плачет ветер

Эссе

Однажды ветреным днём бабьего лета ехал я в отдалённый лесной посёлок, родившийся в своё время по воле коммунистической партии и правительства в глухом таёжном углу моей Вологодчины. Некогда посёлок процветал и рос, ежегодно пополняясь новой рабочей массой – разношёрстной, разнохарактерной, добровольной и принудительной. Что сейчас с ним? Что сейчас с русскими заброшенными деревнями, что стояли на когда-то оживлённом и богатом дорожном тракте, соединявшем земли Поюжья с вятскими землями, с путями на Урал и Север?

О былом богатстве и крепости деревень говорили покосившиеся и упорно стоящие пятистенные и шестистенные русские избы с мезонинами и светёлками, с амбарами и санниками, столь объёмными, что на тройке, пожалуй, въехать можно было. Затяжные подъёмы и крутые спуски торного тракта, да и многие деревни были вымощены камнем – не привозным, а собранным по рекам и ручьям трудолюбивыми жителями. Вязь утративших былую изящность резных наличников, коньков и охлупней, надвратных арок и балясин постепенно исчезала, разрушаемая временем и людьми.

«В саду заброшенном галдело собранье шумное дроздов. Под ветхой крышей сиротело усердной ласточки гнездо», – такие родились у меня строчки, когда, убродившись, присел я на сухие, в огромных трещинах кондовые брёвна подготовленной на вывоз соседней от описываемой, избы. «В избе, раскрытой ветер плачет, плечом, ударившись о печь. Выходит, срок изжит, истрачен? И печь не надо и стеречь?» – текла строка, сминая душу, усталую и надорванную нынешним непредсказуемым и страшным веком, веком процветания нуворишей и интернета.

Веком, когда живущий за тринадцать километров от магазина деревенский мужик на заработанные рабским трудом

полторы-две тысячи рублей заказывает по сотовому телефону такси, чтобы привезти водки – «обмыть» заработанные скудные деньги.

Веком, когда при всей мощи строительных и дорожных организаций органы самоуправления не могут построить пятьсот метров проезжей (не шоссе, не автобана!), а мало-мальски удобной дороги.

Дороги, чтобы единственный житель глухой деревни мог встретить своих детей, приехавших его навестить, чтобы из деревни, которая всего-то в десяти верстах от райцентра, отвозили на катафалке, коль жизнь оборвалась, а не выносили на самодельных носилках тело усопшего до асфальта соседней деревни, чтобы погрузить на тот самый катафалк.

«А дом не выплachtet, не молвит, в безвестье брошенным умрёт. И вороньё железо долбит – как зёрна, ржавчину клюёт...» Неужели и эта северная деревня вычеркнута из реестра обитаемых деревень? Из процветающих деревень – в умирающие деревеньки?

Доколе? На вопрос о количестве вымерших за последние двадцать лет вологодских деревень, поисковая система моего компьютера выдала ответ: «В Вологодской области вымершими считается 2106 деревень и сёл».

Осенний день укорачивался быстро, желтовласые тополя и берёзы расшумелись, словно торопя меня с отъездом. Родственники у машины нервно окликали – торопили ехать, чтобы не опоздать на переправу. Я тронул машину и оглянулся на столбы линии электропередач, что ещё бежали вдоль изб...

А может, поживет ещё эта вологодская деревня?

2019-2020 г.г.

У обелиска

Рассказ

Больничную палату занимали, осваивая соседство, серый зимний вечер, тоскующее одиночество и ожидание. В девятом часу вечера в палату привезли мужчину сорока - сорока пяти лет с ампутированными ногами. Он был без сознания. Усталый врач писала историю болезни, медицинская сестра ставила капельницу. Миловидная женщина средних лет с заплаканным лицом - жена, наверное - нежно гладила мужчине руки. Через два часа он умер.

Произошедшее напомнило мне о другом событии, о другой встрече – тридцать пять лет назад в одном районном селе, где мне пришлось быть в служебной командировке.

...Румяный май повсюду буйствовал, расцветая. По тёплым плитам парковых аллей катились бусинки дождя. Поюжье жило. С Увалов веяло теплом. В цветистость малых городков и сёл вплеталась белизна северных черёмух, яблонь, молодых вишен, стоявших гордо, обособь. Обновлялись клумбы, парники, ждали работников огороды. Смывшая с себя все наносное зимы, Юг - река впитывала обновлёнными водами синь весенних небес, умытых первыми дождями. Смолили лодки рыбаки, и кто-то ставил сети...

Прилетевшая в майское село, упругая, проворная туча прервала хлопотливую подготовку к празднику - к 40-летию Победы. Пошумев, погремев, вымыв улицы и дома, туча ушла, покачиваясь над сузёмами, ушла, похудевшая от хлопотной работы, к Никольску – старинному уютному городку в излучине неторопливой реки Юг. А в светло-зелёном берёзовом парке села, где заканчивалась моя командировка, и где был установлен обелиск - знак памяти погибшим землякам в Отечественной войне, взрослые и школьники наводили порядок: убирали накопившийся за зиму мусор, мыли парковые скульптуры, красили штакетник забора и скамейки. Нежаркое солнце играло лучами на звёздочках октябрят, прошедших строем - шла

репетиция завтрашнего парада. Юный горнист в алом галстуке, уперев левую руку в бок, поднял к небу золотистый горн и звонко протрубил первые аккорды гимна.

Солнце задержалось на орденах ветерана, которого везла в инвалидной коляске женщина средних лет, поиграло на стальных спицах колёс и на золотых буквах надписей. Замирая на стыках, коляска приближалась к мемориалу.

Женщина подкатила её к мраморным плитам, с вытесненными на них золотом, именами односельчан. Работавшие поблизости люди оставили своё занятие и с уважением и любопытством смотрели на эту пару.

Безногий ветеран, позвякивая медалями, неловко сполз с коляски на бетон. Опираясь на сильные руки, на культиях ног прошагал солдат этот метр до плит, хранивших имена тех, с кем он растил хлеба, гулял на зажинках и свадьбах. Тех, с кем строил избы и коровники, с кем воевал с иноземными захватчиками...

Нет, не инвалид это шагал – это шёл солдат, чтобы почтить память тех, кто не вернулся с полей сражений в своё село, в свой дом.

Это земляк поклонился землякам, защитившим других от смерти.

Это солдат поклонился солдатам.

Это ветеран поклонился памяти.

Поклонился, как мог - до земли.

Дрогнула солдатская рука, принявшая от молчаливой попутчицы букет красных гвоздик.

И рассыпались по плитам цветы - будто красные капли крови застыли на мраморе...

2020-2021 г.г.

Оглавление:

От автора.....	- 3 -
Копейка.....	- 4 -
Шестеро.....	- 7 -
Руфко.....	- 9 -
Газета.....	- 11 -
Ну что, Петька, гроза будет?.....	- 13 -
Маня, маленькие глазки.....	- 16 -
Два Ивана.....	- 19 -
Разговор с собой.....	- 22 -
Надя Митькина.....	- 23 -
Лога.....	- 25 -
Ваня - мельник.....	- 27 -
Половодье.....	- 29 -
В сузём.....	- 31 -
Лёнька.....	- 33 -
Офонася.....	- 35 -
Васиха.....	- 37 -
Как я с Антоновичем пиво варил.....	- 39 -
Булатковы.....	- 41 -
Плачет ветер.....	- 43 -
У обелиска.....	- 45 -

Об авторе

Лешуков Леонид Петрович – автор поэтических сборников «Размышления», «Перекаты», «Когда меняют время». Произведения Леонида Лешукова неоднократно публиковались в периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах Вологодской и Кировской областей. В этом сборнике автор собрал свои рассказы о родных и знакомых, о земляках, о природе родного края.